№ 7. 10-е ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА. Г(

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Сбудется ли предчувствіе?

Въ 1854 году въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" было напечатано стихотвореніе „Сѣверъ, Западъ, Югъ", имѣвшее отношеніе къ тогдашнимъ политическимъ событіямъ. Въ этомъ стихотвореніи, между прочимъ, было сказано слѣдующее:

Я видѣлъ Югъ: тамъ плачъ и стонъ
До неба возлетаютъ,
Мильоны намъ родныхъ племенъ
Къ намъ руки простираютъ...
Четыре вѣка протекло—
Гоненія година—
Какъ иго чуждое легло
На выю славянина;
Но вотъ восходитъ имъ заря—
Отрадный день спасенья:
Дружины русскаго Царя
Несутъ имъ избавленье,
Къ нимъ Русь подъ знаменемъ Креста
Идетъ на бой священный,
И расточится врагъ Христа,
Падетъ Исламъ надменный!
Чу! кликъ раздался: „Русь идетъ!
Къ намъ! въ братскія объятья!
Во имя Божіе! впередъ!
Впередъ, друзья и братья!"

—

И вижу я отъ оныхъ мѣстъ
Величіе Россіи,
И лучезарный Божій крестъ
На куполѣ Софіи....
И звонъ гудитъ, и къ Богу силъ,
Къ предвѣчному чертогу,
Летитъ съ куреніемъ кадилъ
Гимнъ: „Слава въ вышнихъ Богу".

Такъ мечталъ авторъ стихотворенія почти полвѣка тому назадъ, и вотъ теперь на его глазахъ совершаются событія, которыя, быть можетъ, осуществятъ его завѣтную мечту.

Ѳ. М.

ЦЫГАНКА

Разсказъ.

(Окончаніе).

II

Погода была великолѣпная и вся Москва мчалась на «май». Съ утра еще обозы потянулись съ самоварами, съѣстными припасами и съ балаганными принадлежностями любимаго московскаго гулянья. Къ полдню показались цѣлыя семьи нѣмецкихъ ремесленниковъ съ узлами, корзинами и грудными ребятами. Съ 3-хъ часовъ повалилъ пестрый людъ: мастеровые съ ихъ женами и подругами, горничныя съ лакеями, а кухарки по большей части шли по одиночкѣ, такъ какъ ихъ интимные друзья кучера да дворники, проклиная злую участь, должны были лишиться майскихъ утѣхъ. Возницы, ворча и ругаясь, мыли экипажи, чистили лошадей и приготовлялись къ катанью господъ; а дворниковъ еще наканунѣ вызвали въ кварталы, гдѣ сами надзиратели строго приказали не отлучаться отъ воротъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности.

Почесывая затылки, еще со Святой не зажившіе отъ потасовокъ въ кабакахъ, накинувъ на одно плечо кафтанишко, да подостлавъ подъ голову худой кулекъ, дворники свертывались ежомъ на тротуарѣ, вздыхая о томъ, что «шельма кухарка небойсь теперь нализамшись, обнимается съ сапожникомъ либо съ портнымъ подъ сосенкой...»

«Вотъ жизть-то анафемская! день деньской работай, а ночь вотъ околѣвай у воротъ какъ собака!... Эхъ-ма! деревенское житье не въ примѣръ вальготнѣе!» горестно размышляли дворники и, сбѣгавъ въ «пизокъ» сосѣдняго лавочника, незамѣтно переходили изъ міра дѣйствительности въ міръ золотыхъ сновидѣній. А жулики, не бѣгавшіе еще въ «пизокъ», за неимѣніемъ пятака на шкаликъ, осторожно перешагнувъ черезъ спящаго цербера, обшаривали сараи, чуланы, да кухни; самоваръ, кострюля, бабья кофта, хомутъ, сѣдёлка, даже топоръ, воткнутый дворникомъ въ полѣно дровъ, все, что плохо лежало или было забыто подъ вліяніемъ «мая», прибиралось къ рукамъ и поступало въ собственность тѣхъ же лавочниковъ, которые по утру будутъ такъ притворно искренно соболѣзновать при росказняхъ сосѣдокъ о томъ, какъ того-то изъ сосѣдей ловко обчистили, пока онъ на «май» бѣгалъ...

Въ шестомъ часу выѣз[illegible]чало [illegible]ество со широкихъ воров[illegible]ные [illegible] али мѣрно и [illegible] было невозможно. Выбравшись за вокзалъ на шоссе, начиналась суматоха, экипажи прорывали ряды, извощики ругались съ полицейскими солдатами, пѣшеходы шныряли подъ ногами лошадей, жандармы надсаживали грудь, но крикъ ихъ заглушался стукомъ колесъ и гамомъ человѣческихъ глотокъ. Въ семь и восемь часовъ становилось просторнѣе и тутъ-то быстро, съ особеннымъ хрустѣньемъ англійскихъ патентованныхъ рессоръ, проносились, какъ чудесное видѣнье, легкія, раскидныя колясочки, запряженныя кровными рысаками, въ нихъ сидѣли блѣдныя тепличныя растенія аристократическихъ салоновъ, въ невообразимо-элегантныхъ туалетахъ, съ болѣзненнымъ утомленіемъ на прекрасныхъ лицахъ.

Между купеческимъ и аристократическимъ выѣздами, а именно въ 6 часовъ вечера, по Мясницкой ѣхала большая, открытая коляска, запряженная четверней лихихъ коней, съ наборной сбруей, бляхами, кистями и бубенчиками. На козлахъ сидѣли два цыгана, Проклычъ съ старшимъ сыномъ, едва сдерживая на возжахъ сильный напоръ выстоявшихся лошадей, которыхъ хозяинъ намѣревался продать охотнику барину тамъ же на «маѣ».

Въ коляскѣ сидѣли четыре дѣвушки, лучшія примадонны цыганскаго хора, разряженныя въ пухъ и прахъ, веселыя и румяныя, три изъ нихъ безъ устали болтали на своемъ дикомъ нарѣчіи. Четвертая не болтала и не смѣялась, а разсѣянно слушая бесѣду подругъ, пытливо оглядывалась, точно кого-то искала своими чудесными, синими глазами. Это была Маня. Она была одѣта просто, но со вкусомъ, въ свѣтло-сѣромъ шелковомъ платьѣ, бѣломъ сорти-де-баль и соломенной шляпкѣ съ вѣткой сирени; никто бы не принялъ ее за цыганку, если-бъ вся Москва не знала прелестной «запѣвалы» Проклычева хора.

Выѣхавъ на шоссе, Проклычъ свистнулъ и лошади понеслись; жандармы кинулись было за ними, но молодой офицерикъ, сдѣлавъ ручкой цыганкамъ, скомандовалъ: «Оставьте!... Это Маня ѣдетъ...» и жандармы съ привѣтливой улыбкой пропустили коляску, изъ которой вѣяло красотой, молодостью и здоровьемъ.

Прокативъ своихъ дочекъ по Ширяеву полю, мимо ряда балагановъ, и сотни столиковъ съ самоварами, Проклычъ повернулъ обратно къ павильону, гдѣ московская золотая молодежь устроила пикникъ, едва не на вѣсъ золота нанявъ на этотъ вечеръ лучшій цыганскій хоръ.

— Вотъ Маня!... Прелесть Маня!... богиня!... грація!... слышалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ лѣзли взглянуть на Маню; многіе увѣряли, что знаютъ ее интимно, а между тѣмъ Маня была свободна и чиста, какъ въ тотъ вечеръ, когда лѣтъ 8 тому на-

«Любезный другъ
Ольга Павловна?!

«Ты вѣрно мои письма не читаешь, а заблаговременно ихъ дерешь и уничтожаешь! Θеклушка и Стешка въ твоихъ рукахъ, но ты сама ихъ суетишь и мутишь, не придавъ имъ тихой бодрости къ примѣру, что требуется съ благоразуміемъ и по состоянію!... Я писалъ тебѣ не о самой капустѣ, а о дѣлѣ ея, то-есть о кадкахъ. Болѣе писать не могу. У меня болитъ животъ! Да!! у меня точно болитъ животъ!

Твой мужъ и другъ М. К.»

Мнѣ удалось прочесть это письмо, потому что оно было прислано въ то время, когда ни Леночки, ни Ивана Михѣевича не было дома, а сама Ольга Павловна съ трудомъ разбирала печатное.

Мѣсяцъ приходилъ къ концу, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончились и мои дѣла. Я собиралась уже уѣзжать изъ Грязноводска, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ услыхала два признанія. Во-первыхъ Леночка заявила мнѣ, что протоколистъ сдѣлалъ ей предложеніе.

— Какимъ это образомъ? кажется васъ никуда не пускаютъ однихъ, спросила я.

— Черезъ заборъ... вѣдь наши сады рядомъ... онъ всегда такъ разговариваетъ со мной...

— Хорошій человѣкъ вашъ протоколистъ?

— Ахъ, отличный, и жалованье получаетъ порядочное. Ради Бога, уговорите маменьку отдать меня за него. Она къ вамъ расположена и вѣрно послушается...

— Да ваша маменька знаетъ его?

— Еще бы! онъ къ намъ ходилъ... разъ маменька стала его ругать, онъ взялъ шапку, ушелъ, да съ тѣхъ поръ и не бываетъ у насъ.

— Я все-таки не понимаю, за что маменька ругала его.

— За то и ругала, что онъ свататься хотѣлъ. Она говоритъ, что мое замужество ее стѣснитъ, что ей не на комъ свои материнскія чувства выражать...

— Не обѣщаю вамъ ничего заранѣе, но постараюсь придумать что нибудь для вашей пользы.

— Голубушка! ради Бога... Я вѣчно буду вами благодарна...—И Леночка обняла меня и поцѣловала, потомъ побѣжала къ забору, изъ-за котораго показалась голова протоколиста.

Пока Леночка разговаривала съ нимъ, ко мнѣ подошелъ Иванъ Михѣевичъ.

— Катерина Яковлевна, я имѣю къ вамъ весьма важное дѣло, сказалъ онъ.

— Не думаете ли вы жениться?

— А что?

— Да такъ.

— Угадали. Я влюбленъ въ дочь нашего столоначальника... Ахъ, какая чудная дѣвушка!... скромная, добрая и приданое порядочное, а родныхъ только одинъ отецъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— За маменькой... она не соглашается.

— Вы говорили ей когда нибудь объ этомъ?

— Какъ же-съ. Она начала ругаться, назвала меня дуракомъ, юродивымъ, а какой же я юродивый? Служу, жалованье получаю.

— Трудную задачу вы задали мнѣ. Теперь не знаю, съ кого изъ васъ начать.

— Какъ это съ кого?

— Да вѣдь и сестра ваша просила меня уговорить Ольгу Павловну согласиться на бракъ съ протоколистомъ.

— Вотъ вы займетесь сестрой, а обо мнѣ и забудете, грустно сказалъ молодой человѣкъ.

— Не безпокойтесь, мой милый Иванъ Михѣевичъ, не забуду и васъ. Ужъ за одно вашей мамашѣ «контру» со мной затѣвать.

Въ этотъ же день вечеромъ возвратился Михѣй Ивановичъ и своимъ пріѣздомъ доставилъ невыразимое удовольствіе супругѣ. Она ругалась по крайней мѣрѣ съ часъ, расшвыряла по сѣнямъ привезенныя покупки и съ яростію накинулась на Стешку и Θеклушку, что онѣ не подбирали ихъ.

Этотъ моментъ я сочла за самый благопріятный для того, чтобы приступить къ дѣлу.

Люди бываютъ обыкновенно мягче и снисходительнѣе въ спокойномъ состояніи, у Ольги Павловны напротивъ, самое лучшее расположеніе духа проявлялось въ минуту браннаго паθоса.

Изругавъ мужа на чемъ свѣтъ стоитъ, Ольга Павловна сидѣла на крыльцѣ красная, растрепанная, грозно ворочая бѣлками, когда я помѣстилась рядомъ съ ней.

— Вы, кажется, чѣмъ-то недовольны или разстроены? обратилась я къ Ольгѣ Павловнѣ.

— Это до васъ не касается, отвѣтила она рѣзко и повернулась ко мнѣ спиной.

— Напротивъ, очень касается, потому что я желаю поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ.

— Объ какомъ это [illegible] тѣ?

— У вашей доч[illegible] женихъ, который ей очень нравится, а у [illegible] которую онъ любитъ,— благословите [illegible]у.

— Какъ?! [illegible] Павловна, привскочивъ съ мѣста.

Она казалось не с[illegible] ясненіемъ, сколько обра[illegible] желаемую «контру».

Я повторила тѣ же слова.

— Да вы съ ума сошли, милостивая государыня! вмѣшиваться въ семейныя дѣла! «Всякая» съ вѣтру придетъ да и будетъ дочь мою замужъ отдавать и сына женить! Нѣтъ, ужь извините! не на дуру напала.

— Я такая же «всякая», какъ и вы, какъ и другая порядочная женщина.

— Всякая! всякая! всякая! кричала Ольга Павловна, неистово стуча кулаками,—порядочная женщина не станетъ совать носъ, куда не слѣдуетъ. Я васъ съ квартиры сгоню!...

— Зачѣмъ гнать? я сама скоро уѣду.

— И убирайтесь!

— И уберусь, но прежде выдамъ вашу Леночку замужъ.

Послѣ этихъ «дерзкихъ» словъ на меня посыпался градъ всевозможныхъ оскорбленій, но я рѣшилась перенести все, ради счастія бѣдныхъ молодыхъ людей, которые безъ моего посредничества подчинились бы самодурству матери.

Напрасно удерживалъ Ольгу Павловну высунувшійся въ окно Михѣй Ивановичъ, напрасно урезонивалъ «не произносить ругательныя выраженія въ присутствіи благородной дамы, за оскорбленіе которой виновный на основаніи 130 статьи подвергается штрафу или аресту»,— Ольга Павловна не унималась.

— Да вы объясните мнѣ, какая причина заставляетъ васъ упорствовать въ замужествѣ дочери?

— Небогатой дѣвушкѣ не слѣдуетъ выходить замужъ.

— Вы сами вышли же!

— Мало ли что! У Михѣя Ивановича домъ былъ, ну и деньжонки водились.

— У протоколиста также есть свой домикъ...

— Такъ это за протоколиста?! за Николашку Лобанова! взвизгнула Ольга Павловна, и на губахъ ея даже пѣна показалась.

— А если-бъ за него?

— Нѣтъ! нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ! и не говорите, пока я васъ не «искостила», на статью не посмотрю, 100 руб. штрафу отдамъ!

— Ольга Павловна... Оленька... я скажу гдѣ нибудь, что ты вѣдьма кіевская, говорилъ Михѣй Ивановичъ.

— Ну, хорошо, положимъ вы не отдадите Елену Михѣевну, но я попрошу васъ только объ одномъ: скажите, чѣмъ не нравится вамъ Лобановъ, бѣденъ что ли онъ?

Ольга Павловна отрицательно качала головой.

— Пьяница, мотъ?

Тоже движеніе.

— Картежникъ?

— Нѣтъ.

— Такъ что же въ немъ дурнаго?

— А то дурное, вспыхнула Ольга Павловна,—что онъ негодяй... Еще прошлаго году онъ затесался къ намъ, я начала его ругать, а онъ, не говоря добраго слова, шапку въ охапку да и домой. Хоть бы выслушалъ меня, я какая ни на есть, а мать...

«А! а! такъ вотъ въ чемъ дѣло-то!» подумала я и въ головѣ моей тотчасъ созрѣлъ планъ, который я не замедлила сообщить Леночкѣ.

На другой день, когда протоколистъ пошелъ просить у Ольги Павловны руку дочери, я предупредила его, чтобы онъ спокойно и терпѣливо выслушалъ все, что вылетитъ изъ устъ будущей тещи.

Наругалась, натѣшилась Ольга Павловна, да и дала согласіе на бракъ дочери.

Таже участь досталась на долю невѣсты Ивана Михѣевича. Увидала она ее на гуляньѣ, пригласила чай къ себѣ пить и изругала. Дѣвушка, согласно моему совѣту, ни слова не сказала, только голубые глаза ея безпрестанно наполнялись слезами.

— Ольга Павловна... Оленька... довольно... душа твоя сугубую радость должна ощущать...

— Молчи, старый шутъ! Некогда слушать твою ахинею, давай-ко лучше дѣтей благословлять, остановила его Ольга Павловна, самодовольно улыбаясь.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Грязноводска, я имѣла удовольствіе присутствовать на свадьбѣ Леночки съ протоколистомъ и Ивана Михѣевича съ голубоглазой Любочкой.

Вотъ какіе оригинальные субъэкты встрѣчаются въ захолустьѣ!

Е. Михайлова.

ПАРОДІЙКИ

III

Директоръ банка одинокій
Не можетъ спать въ ночи глухой...
Какою думою глубокой
Смущенъ директорскій покой?

Въ большомъ ходу бумаги банка,
Ему не страшенъ вой газетъ;—
Мрачнѣй директоръ тѣни Банко,
И сна въ очахъ усталыхъ нѣтъ.

Счастливецъ крупнымъ гонораромъ
Въ пятнадцать тысячъ награжденъ...
А онъ судьбу ругаетъ съ жаромъ,
Желая цапнуть милліонъ!

А. Г—чевъ.

Яичница возвратился усталый.

— Гдѣ вы были? спрашиваю.

— Въ Думѣ.

— Ну что тамъ?

— Да ничего.

— Какъ ничего? Чай о чемъ нибудь толковали.

— Обсуждали вопросъ о Маломъ Каменномъ мостѣ.

— Ну?

— Ну и вышло—ничего. Подняли вопросъ о томъ, перестроить его или нѣтъ. Сначала все шло какъ слѣдуетъ, а потомъ и пошли, и пошли. Одинъ гласный говоритъ: Пожалуй развалится, другой отвѣчаетъ: А можетъ и не развалится. И такъ далѣе въ этотъ родъ. Рѣшили составить коммиссію, чтобы смотрѣла....

— Какъ мостъ развалится?

— Какъ развалится или какъ не развалится, вотъ въ родѣ того, какъ коммисія о постройкѣ рядовъ.

— Ну, что же писать объ этомъ?

— Объ этомъ писать нечего, кромѣ развѣ того, что обѣщались посулить. Вообще о Думахъ можно сказать, что повидимому одни изъ гласныхъ обсуждаютъ вопросы, другіе обсуждаютъ отвѣты, а самая суть дѣла и есть искомая благоразумная середина.

— То-есть промежутокъ.

— А слышали вы о промежуткѣ? спросилъ Яичница.

— Что такое?

— Г. Краевскій догадался, что сутки ровняются по крайней мѣрѣ двадцати пяти часамъ,

— Это какъ?

— Онъ въ телеграммѣ отъ 19 Января пишетъ: «*Полученныя* изъ Бухареста извѣстія заставляютъ предполагать что подписаніе предварительныхъ условій міра состоялось въ Андріанополѣ *между вчерашнимъ и сегодняшнимъ числами*». Это важное открытіе: до сихъ поръ міръ и не подозрѣвалъ, что между числами бываетъ, такъ сказать, дыра, не обозначенная никакимъ терминомъ, опредѣляющимъ время. Честь и слава господину Краевскому!...

— Да вѣдь честь этого открытія не ему принадлежитъ, замѣтилъ я.

— Кому же?

— Тому, кто писалъ: Андрей Александровичъ, какъ я слышалъ, ничего не пишетъ.

— Ну, все равно; того, кто писалъ, я разцѣловать готовъ.

— Это невыгодно. Вы читали, что въ Петербургѣ одинъ господинъ притащилъ на судъ дѣвушку, обвиняя ее въ томъ, что она украла у него тридцать три рубля и серги у его матери. На судѣ было доказано, что она не украла, а взяла безъ спросу и что обвиняющій цѣловалъ ее со спросомъ...

— Ну и что же?

— Ну, тридцать три рубля и серьги такъ и пошли въ уплату за поцѣлуи.

— Да вѣдь какъ же это узнать, кто кого цѣловалъ? поцѣлуй вещь обоюдная. Ему-то, что нибудь пришлось за поцѣлуи?

— Ужь не знаю. Вообще любовныя похожденія вещь мудреная. Вотъ въ Кіевѣ, напримѣръ, нѣкто купецъ Л., какъ разсказываетъ «Кіевскій Листокъ», пріѣхавъ въ гостинницу «Версаль», подсѣлъ къ столу, за которымъ обѣдала дѣвица Г. Когда она окончила свой обѣдъ, Л. предложилъ ей выпить портеру и когда она отказалась, *чуть ли не насильно* влилъ ей въ ротъ стаканъ названнаго напитка. Дѣвица Г. убѣжала въ свой номеръ, Л. побѣжалъ за нею вмѣстѣ съ г-мъ Н. Ворвавшись туда, они велѣли подать бутылку вина; къ тому времени пришла въ номеръ г-жа К. вмѣстѣ съ которой они начали уговаривать дѣвицу Г. отправиться кататься, на что та по своей *неопытности* согласилась. Ну и такъ далѣе.... Что вы объ этомъ думаете?

— Не знаю, что думать, а вы что думаете?

— Я? глубокомысленно отвѣтилъ Яичница,—я думаю, что дѣвица Г. поѣхала не по неопытности, а по мостовой.

Я почесалъ затылокъ.

Подали № «Будильника», я было взялъ его, чтобъ передать Яичницѣ.

— На надо! сказалъ тотъ, отстраняя журналъ

— Что такъ?

— Я не знаю, гдѣ читаютъ этотъ журналъ.

— Какъ гдѣ?...

— Да какъ же: въ каждомъ нумерѣ полуголыя женщины нарисованы, неловко немножко.

Я пересмотрѣлъ № «Будильника»: дѣйствительно, Яичница оказался правъ, голыя женщины занимаютъ въ «Будильникѣ» почетное мѣсто.

Странно...

— Пойдемте въ циркъ, предложилъ Яичница.

— Да я слышалъ, что онъ закрытъ.

— Не можетъ быть, дѣла у него превосходно идутъ.

— Да вы-то почемъ знаете?

— Какъ же не знать—отъ дурныхъ дѣлъ не станетъ четверть сбора театральной конторѣ платить, это каждому понятно.

— Это пожалуй и вѣрно.... Ну, а если циркъ закроется, тогда театральная контора ничего не будетъ получать съ него? освѣдомился я.

— Не знаю... задумчиво сказалъ Яичница,—вѣроятно на счетъ этого есть какія нибудь правила...

— А итальянская опера, тоже четверть сбора платитъ театральной конторѣ.

— Нѣтъ, она не даетъ никакого сбора...

— Это на какомъ же основаніи?

— Да вѣроятно на основаніи того, что очень нравится публикѣ....

Въ четвергъ 2-го февраля отправились въ клубъ прикащиковъ; давали «Извощика» съ г-мъ Путята въ главной роли. Выйдя изъ воротъ, Яичница пустился прямо по мостовой.

— Что же вы гдѣ идете? спросилъ я.

— Тутъ лучше. Зачѣмъ же по тротуарамъ ходить? скользко тамъ очень, еще ноги переломаешь.

Въ клубѣ прикащиковъ публики было—страсть. Сѣли, посмотрѣли афишу, посмотрѣли на сцену.

— Гдѣ же г. Путята? спросилъ Яичница.

— Вѣроятно на сценѣ.

— То-то нѣтъ, его роль играетъ г. Суровщиковъ.

На дѣлѣ оказалось дѣйствительно такъ. Г. Путята, давъ слово клубу прикащиковъ участвовать 2-го февраля, самъ назначилъ піесу и вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ въ этотъ вечеръ оказался на сценѣ Артистическаго Кружка. Спектакль впрочемъ прошелъ очень недурно. Нужно отдать справедливость способности г-на Суровщикова, благодаря которому не былъ отмѣненъ спектакль. Опытный артистъ, въ баснословно-короткое время приготовивъ громадную роль Жака, честно отнесся къ своему дѣлу и хорошо сыгралъ эту трудную и хлопотную роль.

Въ піесѣ есть мѣста довольно потѣшныя. Такъ напримѣръ, дѣйствіе одной картины происходитъ въ гостиной князя Кампорэоли. На сценѣ князь и Морель. Входитъ лакей.

— Извощикъ, съ которымъ вы пріѣхали, деньги спрашиваетъ, обращается онъ къ Морелю.

— А! Сколько ему нужно?

— Не знаю.

— Ну, *позови его сюда.*

Въ гостинную князя является извощикъ и, недовольный платою, тутъ же надѣваетъ шляпу. Можетъ быть такъ по французски,—не знаю, но только подобнаго рода несурозности ставятъ въ неловкое положеніе артиста.

Рядомъ съ Яичницей сидѣлъ какой-то немудренькій прикащикъ.

— Ишь ты какая штука неладная, обратился онъ къ Яичницѣ.

— А что? спросилъ онъ.

— Да какъ же: актеръ долженъ бы знать, что онъ играетъ...

— Онъ и знаетъ.

— А, играя извощика, въ гостинной у князя, шляпу надѣваетъ, это не токма што у князя, а и у нашего «самого» сдѣлать, такъ и тотъ не дозволитъ.

— Да это не актеръ виноватъ, а авторъ.

— А-а!

Въ другой картинѣ сосѣдъ вновь обратился къ Яичницѣ.

— Вѣдь это французскій извощикъ? спросилъ онъ.

— Да.

— Я слыхалъ, тамъ съ дугами не ѣздятъ.

— Не ѣздятъ.

— А на што же дуга-то на сценѣ?

На сценѣ дѣйствительно къ чему-то оказалась наша русская дуга. Дѣло объяснилось очень просто: г. Разсказовъ былъ занятъ ролью и не доглядѣлъ, а помощникъ режиссера поусердствовалъ да и втащилъ на сцену дугу. Жаль, что не калиберъ.

Вообще спектакль собралъ массу публики, прошелъ очень не дурно и вѣроятно г. Разсказовъ повторитъ его.

— ковъ.

РАЗГОВОРЪ ДВУХЪ ЗАКАДЫЧНЫХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ

ВЪ ПРІЕМНОЙ ЦАРСТВА МЕРТВЫХЪ

Магометъ.

Дѣло плохо, братъ, Джонъ Булль!...
Хоть ты много отлилъ пуль
Противу Москвы намъ,
Насъ гяуры бьютъ да бьютъ,

И вздохнуть-то не даютъ
Бѣднымъ нашимъ спинамъ.
Просто, плачутъ всѣ паши,
А они-ль не хороши?
Напримѣръ, Мухтарка?
А и тотъ состряпалъ фарсъ—
Сдавъ гяурамъ крѣпкій Карсъ—
Небу было жарко!
Молодецъ и Сулейманъ,
У него былъ свой капканъ
Для московъ—Шипка,
Гурко тутъ его поймалъ,
Ну и вотъ какъ разчесалъ!
То-есть, значитъ, шибко.
Вся надежда былъ Османъ,
Но сгубилъ его Диванъ,
Не пославъ подмоги;
А крѣпился въ Плевнѣ онъ,
Какъ въ Сенадѣ Магъ-Магонъ,—
Не было дороги,
Чтобъ изъ Плевны улизнуть;
Прегражденъ кругомъ былъ путь,
Думалъ хоть прорваться,—
Ну и съ арміей со всей;
(Сорокъ тысячъ, другъ, людей!)
Въ плѣнъ изволилъ сдаться!
А московъ себѣ впередъ
Въ Забалканьи все идетъ,—
Взялъ Адріанополь!...
Другъ! Ты помнишь, мнѣ шепталъ,
Когда флотъ взаймы давалъ:
«Прямо, молъ, въ Петрополь
«Мой Гоббартъ васъ провезетъ,
«Всю Москву въ Сибирь забьетъ,—
«Русь съ тобой раздѣлимъ!...»
Анъ, на дѣлѣ-то не такъ:
Ужь Стамбулъ свиститъ въ кулакъ!
Ты же только элемъ
Отдуваешься, какъ волъ,
Чорта въ ступѣ намололъ!—
Такъ берись за дѣло;
На весь свѣтъ ты самъ оралъ:
«Интересъ мой пострадалъ!...»
Объявляй же смѣло
За меня Москвѣ войну,
Видишь, я совсѣмъ тону...
Другъ и братъ, спасай же!...
Подавай скорѣй свой флотъ...
Гоббартъ... въ Питеръ пусть ведетъ...
Встрѣтимся... въ Пассажѣ...
Тамъ... въ Музеѣ... Шевелись!...

Джонъ-Буль.
Нѣтъ, пары не развелись;
Да и мнѣ *не время*...
Пусть ужь кто нибудь другой!...

Магометъ.
Ну, теперь хоть волкомъ вой...
Вотъ жидовье племя!...

Валеріановъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА ВО ВЗГЛЯДАХЪ.

этюдъ.

Услыхавъ звонокъ, адвокатъ кидаетъ на дверь взглядъ	вопросительный.
Увидавъ входящаго туза, обращаетъ къ нему взглядъ	любезный.
Слушая суть поручаемаго ему огромнаго дѣла, смотритъ взглядомъ	пытливымъ
Объясняетъ возможность выигрыша дѣла со взглядомъ	увѣреннымъ.
Слушая комплименты своему знанію дѣла, бросаетъ взглядъ	скромный.
Принимаетъ впередъ огромный кушъ со взглядомъ	небрежнымъ.
Провожаетъ до двери кліента со взглядомъ	умильнымъ.
Убираетъ деньги со взглядомъ	веселымъ.
Разсматриваетъ относящіяся до дѣла бумаги со взглядомъ	серьезнымъ.
Уразумѣвъ, что выиграть дѣло трудно, чешетъ себѣ лобъ со взглядомъ	озабоченнымъ.
Найдя какую либо лазейку, улыбается, кидая взглядъ	лукавый.
Въ общей залѣ суда прислушивается ко мнѣнію публики со взглядомъ	тревожнымъ.
Садясь на свое мѣсто, шепчется съ кліентомъ со взглядомъ	убѣдительнымъ.
Слушаетъ „своихъ" свидѣтелей со взглядомъ	довольнымъ.
Слушаетъ свидѣтелей противной стороны со взглядомъ	пренебреженія.
Слушаетъ рѣчь противника со взглядомъ	ироническимъ.
Начинаетъ свою рѣчь со взглядомъ —	самодовольнымъ
Ждетъ мнѣнія суда со взглядомъ —	сосредоточеннымъ.
Узнавъ, что проигралъ дѣло, кидаетъ взглядъ	суровый.
Является въ квартиру кліента со взглядомъ	ласковымъ.
Слушая неудовольствіе довѣрителя, кидаетъ взглядъ	смущенный.
Узнаетъ, что слѣдующая половина гонорара не будетъ ему выдана, со взглядомъ	укоризны.
Берется за шляпу со взглядомъ —	злоб
Уходитъ, кидая взглядъ — —	
Садится въ экипажъ со взглядомъ —	
Пріѣзжаетъ домой со взглядомъ	

Артистъ, желающій, чтобы его доморощенныхъ „Петрушекъ Уксосовыхъ и Милектрисъ“ принимала публика за Питу́ и Кларетъ Анго.

Если не соловей, то все же очень милая и голосистая пѣвчая птичка.

ТРУДЪ.

Составленіе проэкта акціонернаго общества—трудъ—умственный.
Соглашеніе и сближеніе между собою членовъ правленія—трудъ . . . . кабинетный.
Путанье на общихъ собраніяхъ и составленіе подложныхъ отчетовъ—трудъ . . . . . тяжкій.
Выгребаніе общественнаго сундука и раскладываніе суммъ по карманамъ—трудъ . . . физическій.
Ожиданіе акціонерами дивиденда—трудъ . . . напрасный.

—

СВЕРХУ ВНИЗЪ И СНИЗУ ВВЕРХЪ

Слухъ о новомъ банкѣ—разносится;
И банкъ будто паръ —разносится
Капиталъ въ банкъ — вносится;
Приговоръ обвинительный —вносится;
Въ книги — — заносится;
Адвокатъ, защищая, —заносится;
Процентъ сначала — приносится
Прошеніе истцами
Крахъ надъ банкомъ
Съ подложными отчетами
Правленіе съ адвокатами
Прокурору

И. В.

Русскіе экспоненты

НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1878 ГОДА

Заслонкинъ, купецъ изъ Москвы, выставитъ замокъ особеннаго устройства съ колокольнымъ звономъ для охраненія банковыхъ кассъ отъ расхищенія.

Рябининъ съ сыномъ—коллекцію чучелъ изъ арендуемаго ими московскаго Зоологическаго сада за 1875, 1876 и 1877 годы въ 912-ти экземплярахъ.

Поставщики армейскихъ суконъ изъ Москвы—кноповыя сукна, не отличаемыя при пріемѣ отъ настоящихъ, выработанныхъ изъ одной шерсти.

Купчиха Овечкина изъ Москвы—городскую линейку, передѣланную изъ похоронныхъ старыхъ дрогъ.

Шелагинъ, провизіальный торговецъ изъ Москвы—духовыхъ рябчиковъ и тетеревовъ.

Филиппов, пекарь изъ Москвы—24 вида разныхъ таракановъ, встрѣчаемыхъ покупателями въ его издѣліяхъ.

Мадамъ Минангуа изъ Москвы—бальныя платья отъ тысячи до двухъ тысячъ руб.

Она. Моя хозяйка не велѣла мнѣ уходить отъ васъ до тѣхъ поръ, пока вы не заплатите.

Онъ. Ахъ, какая она милая! Такъ прошу покорно садиться: я утромъ уплачу непремѣнно

— Вы любите Некрасова?

— Съ чего вы это взяли? Я невѣста.

Магазинъ Аннетъ—сторублевыя шляпки, приготовляемыя по заказу московскихъ купчихъ.

Зотовъ, масляный торговецъ—уличный керосиновый фонарь, который тухнетъ на два часа ранѣе положеннаго срока по подряду.

Сруль, Ицко, Герко, Мордухъ и К°, китайцы изъ Бердичева—чай разныхъ фамилій, приготовляемый ими на собственной плантаціи въ Зарядьѣ.

Вальцъ—машины для полетовъ на сценѣ, имъ изобрѣтенныя, съ канатами, которые невидимы для него, а видимы для публики.

Водочникъ Калининъ—24 сорта разныхъ наливокъ и настоекъ, приготовляемыхъ имъ по особому секрету.

Оптикъ и механикъ Трындинъ—ходули для хожденія зимой по московскимъ тротуарамъ.

Голландскій магазинъ изъ Москвы—голландскія полотна, приготовляемыя въ Ярославлѣ русскими голландцами.

Химикъ Берхманъ изъ Москвы—ваксу «самохвалъ»

Уплетисъ, табачный фабрикантъ—самовозгорающіяся папиросы.

Санъ-Галли, металлическій фабрикантъ изъ Петербурга—несгораемые и невылетаемые въ трубу шкафы для банкирскихъ конторъ, банковъ и акціонерныхъ обществъ.

Металлическій фабрикантъ Кнауфъ—чудо современной механики: вертикально-спиральную металлическую лѣсенку для употребленія въ банкирскихъ конторахъ съ текущимъ счетомъ, по которой каждый содержатель банкирской конторы незамѣтнымъ образомъ можетъ спуститься въ карманъ каждаго довѣрчиваго богатаго человѣка. Это механическое чудо не было еще ни разу ни на одной выставкѣ и первый разъ показывается публикѣ.

Купецъ Коробчинъ изъ Москвы—разные химическіе препараты для истребленія насѣкомыхъ, совершенно безвредные—для насѣкомыхъ.

Егоровъ—неизносимую обувь, если ее не носить, а хранить подъ замкомъ.

Общество москов —чучело волка, убитаго членами Общества въ 10-тилѣтняго существованія.

Шнейдеръ, ламповщикъ наго устройства для освѣще акціонерныхъ счетовъ.

Эйнемъ, кондитеръ изъ Москвы — новое печенье «Аистово гнѣздо».

Якорь, страховое Общество въ Москвѣ—ножницы для отрѣзки бездивидендныхъ купоновъ.

Редакція «Голоса»— секретъ приготовлять корреспонденціи на мѣстѣ.

Серебряникъ Срѣтенскій—отбѣльный порошокъ для отбѣленія конкурсовъ.

Физило-механикъ Галиматьясъ—головной щупъ особаго устройства для осмотра череповъ у поступающихъ на службу въ банкъ на должности кассировъ, ихъ помощниковъ, директоровъ, распорядителей, бухгалтеровъ и прочихъ лицъ банковаго персонала.

Арбатскій, экипажный мастеръ—коляску-колыбель, убаюкивающую катающихся;—особенно пріятный экипажъ для молодыхъ женъ, имѣющихъ старыхъ мужей, которые мгновенно засыпаютъ въ коляскѣ-колыбели.

Мебельный фабрикантъ Гансъ изъ Москвы—стулья особаго устройства, съ механизмомъ въ сидѣньѣ, который мѣшаетъ засыпать сидящему. Стулья эти предполагаютъ поставить въ залѣ московской Думы при засѣданіи гласныхъ.

Скульпторъ Козловъ—гипсовыя фигуры въ [illegible]ральную величину изящной отдѣлки. Если на ни[illegible] надѣть брюки, пиджаки и сюртуки, то онѣ могутъ отлично замѣнять настоящихъ акціонеровъ на банковыхъ собраніяхъ и гласныхъ въ думахъ и земскихъ собраніяхъ.

Левитъ, мебельщикъ изъ Москвы—разную мебель для важныхъ поставщиковъ изъ «насихъ» на армію.

Биржевой комитетъ — часы биржевые особеннаго устройства, которые ходятъ спереди назадъ и сзади напередъ по приказанію предсѣдателя комитета.

Правленіе Коммерческаго Кредита—ступы особаго устройства для толченія воды въ пользу членовъ общества.

Яфа—составы для уничтоженія сивушнаго запаха, не одобрѣнные окружнымъ судомъ.

Леухинъ, книгопродавецъ изъ Москвы—свои образовательныя для народа изданія, какъ-то: о физіологіи брака, о проституціи, о лѣченіи секретныхъ болѣзней, о гаданіи на бобахъ, кофе и проч., и проч.

Кругликовъ, фабрикантъ паровыхъ тертыхъ красокъ—паровую замазку собственнаго изобрѣтенія для замазыванія дыръ по городскому хозяйству, по администраціямъ, конкурсамъ и акціонернымъ обществамъ.

Ст[illegible]ршины московскаго Купеческаго собранія—отчетъ собранія за 1877 годъ съ 24-мя тыс. убытка, составленный по тройной бухгалтеріи.

Трубниковъ изъ Петербурга—химическое мыло собственнаго изобрѣтенія для отмыванія житейской черноты съ редакторовъ и издателей газетъ и журналовъ.

Лури, бывшій московскій банкиръ—сумки особаго устройства для вкладчиковъ на текущій счетъ въ банкирскія конторы, чтобъ ходить имъ послѣ ихъ банкротства по міру.

Гостинница Роше де Канкаль въ Москвѣ—камеліи разныхъ сортовъ и цѣнъ комнатной культуры.

Новѣйшій репертуаръ

европейскихъ и другихъ театровъ,

предполагаемый на этой недѣлѣ.

Вѣна. «Кто-то надъ кѣмъ еще посмѣется?» «Нищая», «Семейные пороги».

Бенефисъ Андраши. «Въ мутной водѣ», «Друзья пріятели», «Репетиція послѣ спектакля».

Пештъ. «Картины семейнаго счастія», «Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся», «Въ чужомъ глазу сучокъ мы видимъ».

Лондонъ. «Въ своихъ сѣтяхъ», «Гдѣ тонко тамъ и [illegible]ется», «На всякаго мудреца довольно простоты».

Бенефисъ [illegible]ли. «На старости лѣтъ», «Нашла [illegible] на камень», «Не рой другому яму», «Гордіевъ узелъ», «Деньги», «Лондонскій звонарь».

Бенефисъ Норткота. «Мало-ль чего бываетъ подъ луной»? «Злато любить, людей губить», «Вся бѣда, что плохо объяснились».

Бенефисъ Дерби. «Жертва корыстной дружбы», «Не все коту масляница», «По кривой дорогѣ впередъ не видать».

Бенефисъ флота. «Лучше никогда, чѣмъ поздно», «Фальшивая тревога», «Съѣхались, перепутались и разъѣхались».

Константинополь. «Миръ съ турками», «Изъ объятій въ объятія», «Радъ не радъ, а дѣлать нечего», «Привыкать надо», «Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ», «Такъ на свѣтѣ все превратно».

Бенефисъ Леярда. «По кривой дорогѣ впередъ не видать», «Услугу окажи, а послѣ и тужи», «Сюрпризъ», «Гдѣ не чается, тамъ и случается», «Сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ», «Комикъ XIX столѣтія».

Отступать отъ программы и измѣнять ее дозволяется.

А. Д.

ВЫѢХАВШІЕ

За границу несбывшихся надеждъ—Мидхатъ паша.

За границу дипломатической вѣжливости—лорды Дэрби и Беконсфильдъ.

За границу умѣренности—Макъ-Магонъ.

За границу приличія—Лейярдъ, англійскій посланникъ въ Константинополѣ.

За границу безпредѣльныхъ желаній—графъ Андраши.

За границу Геркулесовыхъ столбовъ по восточному вопросу—Полетика.

За границу терпѣнія—греки, съ оружіемъ въ рукахъ.

За границу плутовства и обмана—жиды-подрядчики.

Между прочимъ...

(шутки, анекдоты, каламбуры, изреченія, невинныя шалости и проч.).

Купеческій сынокъ предсталъ предъ грозныя очи своего тятеньки.

— Ты што же, шельмецъ эдакой, шутить со мной вздумалъ: въ лавкѣ не сидишь, по мамзелямъ разнымъ ѣздишь!... Ась?—восклицаетъ родитель, готовый запустить жирные пальцы свои въ напомаженную куаффюру сынка.—А гдѣ бральянтовый перстень, гдѣ часы, што мы съ матерью презентовали тебѣ?

— Эти вещи... эти вещи... растерянно-слезливо шепчетъ сынъ—«*украли*»...

— Скажи лучше, што *у крали* твоей, у мамзели, чтобъ сегодня же ты мнѣ ихъ выручилъ.

—

О, великіе остроумцы! Какъ вы ни острите, но никогда не будете острѣе маленькаго комаринаго жала!

—

— Какую букву можно пить съ удовольствіемъ?

— *Л.* (Эль).

—

— Какое сходство между нашими коммерсантами и плохими пѣвцами?

— И тѣ, и другіе *дерутъ*, первые цѣны высокія, вторые—уши публикѣ.

—

Если хочешь ты въ душу чужую *залѣзть*,—
Льсти тому человѣку безбожно—
И тогда все съ нимъ сдѣлать возможно;
Никогда онъ не станетъ сердиться *за лесть*,
Не повѣритъ, какъ лесть эта ложна...

—

Многіе терпѣть не могутъ *сальныхъ* свѣчей, но бываютъ очень падки до *сальныхъ* остротъ и анекдотовъ.

Пьеръ Каламбуровъ.

Выводы и измышленія

ПРАЗДНАГО ФИЛОСОФА

— Что такое якорь?

— На водѣ надежда спастись; на землѣ надежда потерять капиталъ.

—

— Какое сходство между виноватыми и нитками?

— Тѣ и другія одинаково путаются.

—

— Кто самые счастливые люди на свѣтѣ?

— Глухіе, потому что не слышатъ человѣческихъ глупостей.

—

— Что легче всего продать за дорогую цѣну?

— Совѣсть.

—

— Отчего взятое въ долгъ называется долгомъ?

— Оттого, что *долго* не уплачивается.

—

— Когда человѣкъ не чувствуетъ тяжести ноши?

— Когда несетъ дичь.

—

«Такъ видно Богу угодно», отвѣчаетъ управляющій желѣзною дорогою на рапортъ о несчастіи на его дорогѣ, при которомъ отправлено преждевременно 15 человѣкъ на тотъ свѣтъ.

—

— Что такое адвокаты?

— Наемные резонеры.

—

Непріятно курить крѣпко набитую папиросу, а непріятнѣе того еще имѣть дѣло съ крѣпко набитымъ дуракомъ.

ЗАМѢТКА

21-го февраля, во вторни[illegible] [illegible]оной недѣлѣ, въ клубѣ прикащиковъ наз[illegible] [illegible]аніе тридцатилѣтней сценической д[illegible] [illegible] Ивана Алексѣевича Григоровска[illegible] [illegible]акомы съ талантомъ почтеннаго [illegible] сочли обязанностью напомнить имъ

ЭКСПРОМТЪ НА КОНЧИНУ С. В. ШУМСКАГО.

Еще постигла насъ нежданная утрата,
Еще намъ пережить пришлось печальный часъ,
Изъ круга избранныхъ еще не стало брата,
Еще на вѣкъ одинъ изъ свѣточей угасъ!...

Намъ не видать его... Къ намъ не придетъ онъ болѣ!
Намъ скорбную слезу возможно ли унять?

8-го февраля.

О, смерть! его отнять, въ твоей лишь было волѣ,
Но памяти о немъ не въ силахъ ты отнять!...

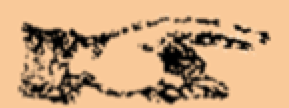
И сонмъ его друзей взываетъ у могилы,
Когда вѣнки свои на гробъ ему кладетъ:
«Миръ праху твоему, артистъ и другъ нашъ милый!
«Пусть память о тебѣ вѣка переживетъ!»

И. Вашковъ.

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1878-й ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

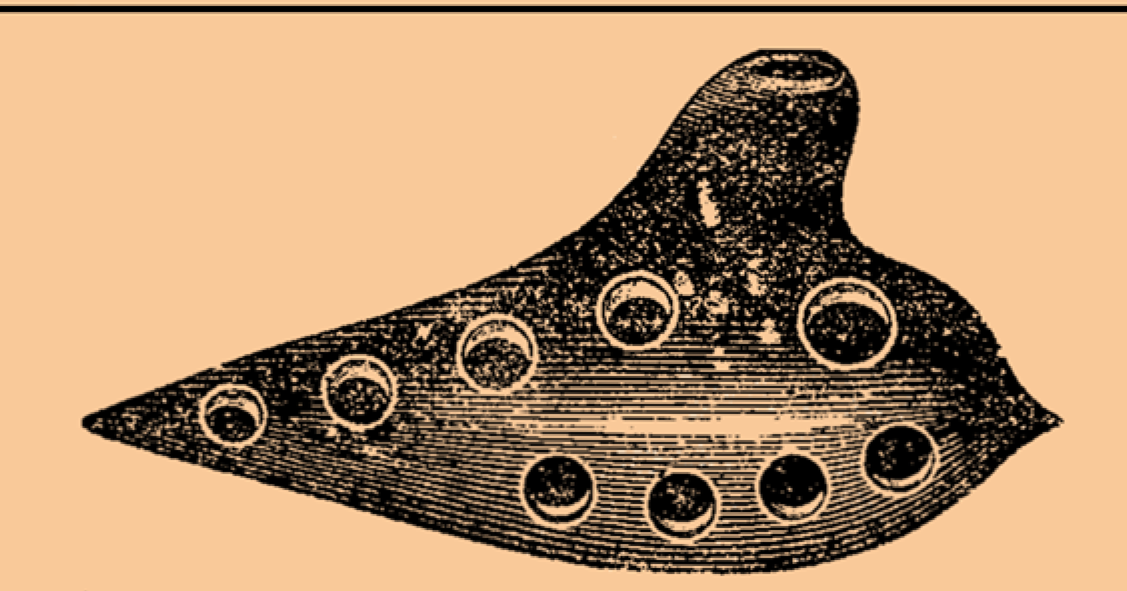
 (ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ будетъ выходить съ тою же неизмѣнною аккуратностію, съ какою выходилъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ, по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. Въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. с. Цѣна отдѣльному № 15 коп. съ пересылкою 20 к.

Подписка принимается у всѣхъ болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ, столичныхъ и иногородныхъ.

Гг. иногородные для бо́льшей вѣрности благоволятъ адресоваться *исключительно* въ редакцію журнала «РАЗЛЕЧЕНІЕ» въ *Москву*. (Адресъ извѣстенъ Почтамту).

ОКАРИНА (Original Ocarina M. Dinardo, настоящіе имѣютъ клеймо каждая штука). Новый музыкальный итальянскій инструментъ (духовой) разныхъ величинъ

№№	I	II	III	IV	V	VI	VII
	1 р. 50.	2 р.	[illegible]50.	3 р.	4 р.	5 р.	6 р.

Описаніе инстр[illegible]нта, правила игры на русскомъ языкѣ и таблица прилагаются безплатно. № V и VI приспособлены къ аккомпанименту фортепіано. НОТЫ и этюды по 75 к. дуэты, тріо и проч. по 1 р. 25 к. дуэты съ фортепіано по 1 р. 50 к. ФУТЛЯРЫ по величинамъ отъ 75 к. до 2 р. 50 к. (Требованія гг. иногороднихъ исполняются не менѣе какъ на 3 рубля) Адресовать прошу въ магазинъ Ив. Ив. Глазунова, Рождественка, противъ дома Торлецкаго въ Москвѣ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. Б. МИЛЛЕРА

можно получить посмертное изданіе книги

М. П. ПОГОДИНА

СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ и ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

1856—1867.

Цѣна тома (въ 545 стран.) 2 р. с. Пересылка [illegible] фун.
Книгопродавцамъ обыкновенная уступка.

